

Рассказ скачан на сайте <http://eromo.org>

Название: Две ошибки

Уже далеко за полночь — луна и звезды бегут по небу своим, только им известным путем, сверчки «выпевают» свои причудливые трели, беспокойное семейство сов неустанно таскает птенцам зазевавшихся мышей и лягушек, а я все стою на балконе. Сон не идет ко мне уже несколько дней.

Вот-вот ко мне выйдет моя ненаглядная супруга Елена — я уже слышу ни с чем не сравнимый запах её волос и легкие невесомые шаги. Подойдет ко мне, прижмется сзади заметно округлившимся животиком и положит свою милую головку мне на плечо...

Ну вот и опять меня пробивает дрожь от её прикосновения и голоса:

— Опять твои ночные бдения? — будто с укором говорит она. — В последнее время ты больше времени проводишь со своими совами, чем со мной.

— Да опять разбудили меня, паразиты... — я пытаюсь деликатно соврать, но Лена знает меня как облупленного.

— Все о них думаешь?

— Нет, то есть да... Запутался я совсем. И себя не пойму, но что самое главное — тебя не могу понять.

— А женщин вообще понять сложно, Володенька. — изящной ручкой Елена наводит мне на голове порядок. — Уже сесть стал, — в твои то тридцать три, — а ничего еще не понял...

— Я понял лишь то, что мне очень повезло с тобой... — её ладони теряются в моих и еще некоторое время мы стоим в молчании и смотрим на испещренное яркими огнями ночное небо.

— Ну хватит... — Елена твердо тащит меня за собой из объятий последней летней ночи. — Утро вечера мудренее.

«Мне очень с ней повезло в жизни. « — под эту мысль и под тихие нашептывания жены я проваливаюсь в омут сновидений. Этой ночью сон наших детей и мой сон охраняет хрупкая и в то же время сильная духом женщина...

Предраассветный час особенно тих и прохладен. Я опять лежу с открытыми глазами. Сна нет ни в одном глазу.

Леночка спит, накрыв свой живот ладонью. Как же прекрасна она в своем материнстве и положении!

Выбираюсь из теплой постели и тихо крадусь на кухню, заскочив в детскую. Спать мои гаврики — пацанята шести и пяти годков.

Заваривая крепкий кофе я смотрю на часы. Еще несколько часов.

Разные мысли и образы из прошлого с головой накрывают меня и в задумчивости я сижу, держа в руках давно остывший кофе.

Все началось семь лет назад. Началось, но уже никогда не закончится.

Мне тогда только что исполнилось двадцать шесть — за плечами институт, два года работы, год армии и несколько месяцев пьянящей свободы. Свободы от каждодневной муштры, непомерных физнагрузок, общения с порой очень тяжелыми по характеру и озверевшими от однообразия армейской жизни мужиками.

Сразу после ухода на гражданку явился я в родной НИИ, где стремление непосредственного начальства дать мне «ведущего инженера» все-таки перевесило хроническое нежелание

руководства института и отсутствие денег на оклады.

Что еще нужно великовозрастному «лосю» от жизни? Деньги — наживное, амбиции — никогда не собирался прыгать выше головы, семья... Вот чего мне до безумия хотелось, так это найти хорошую девочку, сыграть свадьбу, родить сыновей и дочерей, построить дом, дерево посадить. В общем и целом, стремления и желания родных и близких совпали с моими. Однако это не мешало мне до сих пор жить в гордом одиночестве, наблюдая за, в большинстве своем, замужними сверстницами и женщинами постарше, и заглядываясь на более молодых красавиц.

Так и прошли май и летние месяцы — в работе, командировках и кратком вечернем отдыхе в скверах и дворах города Н-ска. Один из вечеров начала сентября стал и наградой за трудовые будни и проклятием одновременно. Вот только за что? И проклятием ли?

Я шел в тот вечер сквозь вереницу тенистых дворов в сторону своего дома: легкие сумерки опускались на детские площадки и лавочки, где еще носилась ребятня и сидели после праведных трудов жильцы домов. Руку весомо оттягивал пакет с шуруповертом (да благословится мой коллега Валерьяч, который перебрал и вернул мне инструмент именно в этот день). Городок наш тихий и спокойный, поэтому когда чуть впереди раздались бранные возгласы и женские крики я напрягся как сжатая до предела пружина и ускорил шаг. Крики не утихали и мне стало просто не по себе, когда я увидел спешно покидающих двор людей, которые могли пресечь то, что вскоре открылось моим глазам.

Два здоровенных «лба» наседали на тонкую женскую фигурку. Женщина отчаянно пыталась удержать сумочку, которую остервенело вырывал скот, что был повыше, а второй выламывал женщине руки, успев разорвать платье.

Оценив ситуацию я приготовился действовать, но в тот момент вырывающий сумку урод совершил свою главную ошибку в этой ситуации — он замахнулся и наотмашь ударил женщину по лицу.

Я не стоял и не наблюдал со стороны. В тот самый момент, когда детина замахнулся, в мой план вошли незначительные коррективы. Преодолев разделяющие нас несколько метров, на автомате достав «младшего брата» дрели, я опустил шуруповерт на голову нападавшего, хотя первоначально «глаз положил» на его ключицу. Как потом выяснилось, отключился он сразу и надолго.

После этого у меня был только один шанс вывести из строя второго, опешившего от неожиданного нападения любителя легких денег, который выпустил тонкую фигурку из своих лап. Этот шанс я профукал, когда по инерции запнулся о тело его «отдыхающего» товарища и на секунду потерял равновесие.

В свете фонаря блеснул нож. Женщина, стоявшая за ближайшей березкой вскрикнула. — Ну что, мразь. Молись своим богам. Ты покойник. — бугай не разменивался на мелочи и стал наступать. Я обернул левую руку пакетом и перехватил инструмент покрепче.

Быстрый выпад его руки и пакет разорвало в клочья. В тот момент промелькнула глупая мысль: «Мимо, но близко.». Второй выпад, третий. Эта сволочь проверяла меня и улыбка, играющая на тонких губах моего противника, мне не понравилась.

Женщина продолжала звать на помощь, в окнах мелькали тени и лишь появившиеся вдруг сбоку проблесковые огни наводили на мысль, что её мольбы были услышаны.

Я бросил шуруповерт в голову своего противника, затем ушел в сторону и замахнулся. Уже перед самым ударом до меня дошло, что «камушек» до головы не долетел, но сделал свое

дело — отвлек на себя внимание. Но выйти из драки я уже не мог и одновременно с болью в правой руке от удара о золотые зубы бугая я почувствовал острую боль в груди. Нож по касательной вспорол мне рубашку и кожу, пройдя поперек нескольких ребер наискось.

Повисшая от спазма левая рука все же нашла солнечное сплетение врага, но он, не смотря на слабинку удара, согнулся пополам.

А там и доблестная милиция подоспела...

— Так-с, молодой человек... — блондинка лет сорока пяти активно обрабатывала перекисью водорода удивительно прямую царапину на левой половине груди. — ... это как Вас угораздило?

— Шальная пуля, товарищ доктор.

— Повезло, что по касательной задело и вскользь. — миловидная блондинка принялась за марлевые тампоны. — Так бы ты повязкой одной не обошелся. Отдала бы тебя штопать своим двоечникам.

— Как там та женщина? — чтобы отвлечься от боли спросил я. — С ней все хорошо?

— Если Вы уверены в силе удара, который ей нанесли, я скажу Вам одно — поразительно, что нет сотрясения мозга.

— Хорошо, спасибо. Как камень с плеч.

В полдень следующего дня я вышел из районного отдела милиции, куда привезли моих архаровцев. На редкость дотошные следователи отпустили меня только после того, как дважды высосали всю информацию по вчерашнему делу.

Я было уже хотел спуститься вниз с высокого крыльца проходной, как увидел поднимающуюся по ступеням молодую женщину, в которой сразу же узнал вчерашнюю незнакомку. Тех несколько минут, что я видел её непосредственно на месте потасовки и при общении с доблестной милицией хватило, чтобы запомнить её: еще очень привлекательная молодая женщина лет тридцати трех-тридцати пяти с бирюзовыми глазами и густыми русыми волосами, заплетенными в тугую косу, чуть вздернутый носик, чувственные губы, высокая грудь, четко очерченная талия, переходящая в шикарные бедра. Она была одета в белоснежную блузку и средней длины черную юбку, из под которой выглядывали стройные ноги и я поспешил перевести взгляд, ибо они как магнитом притягивали меня.

Неудавшаяся жертва вечернего нападения поравнялась со мной и я поразился, как все вышеперечисленное в её внешности гармонирует с невысоким ростом.

— Добрый день! — обычной легкой скованности при общении с противоположенным полом как не бывало. — Как Вы себя чувствуете?

— Здравствуйте! — приятный, гармонирующий с внешностью голос молодой женщины ласкал слух. — Спасибо, все в полном порядке! Как Вы?

— Очень рад за Вас! Все в норме. — словарный запас и варианты ведения диалога стремительно заканчивались, ибо я постепенно «погружался» в глаза незнакомки. — Не буду Вас задерживать — зная, что Вас сейчас ждет в кабинете следователя, с моей стороны даже эта пара минут разговора с Вами преступление.

Вот и сейчас я прокручиваю тот момент в голове и говорю себе: «Ты нормальный? Словариком русского языка по голове не били?».

А в тот момент даже снисходительная улыбка голубоглазой была мне бальзамом на душу. Она скрылась в дверях блюстителей закона и до меня дошло, что её имени я до сих пор не знаю, хотя нам еще долгое время придется пересекаться на следствии и судах.

Легкое предвкушение встречи держало меня в напряжении, поэтому когда через минут сорок незнакомка появилась на крыльце я стремительно двинулся к ней.

— Сегодня я буду спокоен, если Вы примете мое предложение проводить Вас! — слегка опешившая от моего напора женщина кивнула. — Владимир.

— Алёна. — женщина искренне улыбнулась. — Алёна Николаевна.

— Очень приятно. — я немного смутился столь официального тона. — Вам в какую сторону? Алёна оказалась прекрасной собеседницей. Мы шли по аллее центрального сквера:

— Почему Вы пришли мне на помощь? — этот вопрос из её уст прозвучал дико.

— Я по-другому не мог. Любой другой поступил бы также.

— Вчера я кричала, звала на помощь, но появились именно Вы, Владимир. Сколько людей было во дворах, они стояли и смотрели из темных окон... Вы могли погибнуть из-за меня.

— Давайте не будем о плохом. — твердо, но тактично сказал я. — Я пришел и не жалею об этом.

От следователя я в общих чертах знал, что объектом нападения была сумочка Алены, а вот что там было — я не имел понятия.

— Вы тоже могли погибнуть. Что вам мешало отдать им то, что они хотели?

— У Вас есть дети? Я вижу, что нет — не обижайтесь... — снисходительно-ласковая улыбка скользнула по её лицу. — А у меня есть дочь, которую я поднимаю одна. Лишиться столь важных документов я просто не имела права... В миг вылетела бы с должности.

Те пятнадцать минут, что мы шли в сторону её работы, пролетели как один миг. Уже около крыльца высокого офисного здания, где Алёна работала, я задал вопрос, который вертелся на языке:

— Можно я сегодня встречу Вас после работы?

— Нет Володя, не стоит. — впервые я увидел в её глазах грусть.

— Но я...

— Ничего ты не понимаешь и не видишь, дурачок... — Алёна вытацила из моих волос слетевший только что листок березы...

Этим же вечером, получив изрядных звездюлюлей на работе за долгое отсутствие и все же отпросившись пораньше, я стоял в тени молодых березок, уже начинавших желтеть — Сентябрь-месяц получил свой посох в свои права. Высокое офисное здание заканчивало рабочий день.

Я удачно выбрал время для встречи и в половине шестого в уверенном потоке служащих я увидел её — Алёну.

— Добрый вечер, Алёна Николаевна!

— Владимир... — букет алых роз слегка смутил женщину. — Не следовало Вам приходить.

— Но почему же? — искреннее недоумение терзало меня.

— Пойдем, а то люди смотрят.

И в самом деле — то и дело из потока спешащих с работы людей мы ловили на себе взгляды: удивленные, осуждающие, насмешливые...

— Да что вообще не так? — я не кричал, а просто спокойно спросил стремительно идущую женщину. — Почему я не должен был приходить? Почему я не могу проводить до дома понравившуюся мне женщину?!

— Ну не пара мы с тобой, Володя! Не пара...

— У тебя есть муж? — я незаметно для себя перешел на «ты». Только за это я, по прошествии

стольких лет, готов сквозь землю провалиться...

— Женщине не задают таких вопросов и в таком тоне, молодой человек. — в голосе женщины сквозило достоинство.

— Тогда в чем проблема? Ты не намного старше меня!

— Поехали... — вздохнула голубоглазая и открыла дверь автомобиля Audi, который не многие могут себе позволить купить. — Ну что же ты стоишь, язык прикусив?

Мы поднимались по лестнице. Дом Алёны был неподалеку от той высотки, где я в то время снимал квартиру.

— Ты пойми еще раз, — Алёна шла чуть впереди меня, позволив держать её за руку, — не в деньгах дело, не в положении. Я с легкой душой распрощаюсь и с должностью, и с положением, и с деньгами, но это не будет правильно по отношению к тебе. Нет, не так выразилась. То, что у меня есть дочь и я посвятила себя ей...

— Но какая тогда причина может помешать мне ухаживать за тобой?

Алёна остановилась возле двери и достала ключи.

— Как увидишь — поймешь.

Прихожая встретила нас обилием женской обуви и одежды — аккуратно расставленные туфли, кроссовки, босоножки стояли около высокого шкафа-купе, в котором висела верхняя одежда. Из дальней комнаты доносилась музыка.

— Проходи — сейчас чай будем пить. — и уже кому-то в комнату. — Лизавета, встречай гостей!

Походкой богини Афродиты, которой многие женщины ходят вечером, сняв каблуки, Алёна повела меня за собой. Вдруг из коридора справа появилось еще одна обительница сего дома...

Это была копия в оригинале Алёна, только... на сколько лет моложе?! Эффектная светловолосая красавица лет восемнадцати-двадцати...

— Моя дочь — Елизавета. — с любовью в голосе сказала Алёна.

— Очень приятно! — я пожал шутливо протянутую руку девушки. — Владимир.

— Взаимно!

— Мой спаситель, о котором я тебе вчера рассказывала.

— Ну не то чтобы спаситель. — я стойко выдержал удар и понял правила игры. — Скажем так — товарищ по несчастью...

— ... В архитектурном учусь. — достаточно непринужденно поддерживала разговор Лиза.

— По моим стопам идет. Скоро на пятки будет наступать...

— Мама, можно я к Свете схожу? Целое лето не виделись. — «копия в оригинале» изящно махнула туго заплетенной косой и поставила чашку с чаем на стол.

— А стоит ли? — Алёна вопросительно подняла бровь. — Вечер на дворе.

— А я с ночевой останусь... Она не против.

— Только такси возьми и отзвонись.

— Хорошо.

На удивление быстрые сборы к подруге завершились не менее быстрым прощанием в прихожей.

— Ну я пошла. — озорная улыбка скользнула по лицу Лизы. — До свиданья.

— Удачи.

— Светлане с родителями привет. — Алёна закрыла за дочерью дверь. — Вот мой болтун...

И тут я задал глупый, но не лишенный надежды вопрос:

— Родная?

— А не видно?! — с ехидцей в голосе сказала молодая женщина.

— Копия...

Я не знаю как именно все пришло к этому, но мы сидели на кухне говорили. Это была исповедь — не иначе...

— Вышла замуж я в восемнадцать. Вернее сказать, замуж вышла «по факту». — начала Алёна.

— В тот же год родила Лизу. Мужа в армию забрали. Ждала его. Тяжело мне было — ничего не знаю, сама еще ребенок, да и институт никто не отменял. Лизу поднимали мои родители и родители муженька.

Что случилось с мужем моим я не пойму до сих пор. Сначала писать стал реже, а потом и вовсе забыл. С родителями своими общался, а мне — ни строчки. Как вернулся с армии, так сразу на развод подал. Видите ли «молодой был»... А потом мне его сослуживец и по совместительству мой одноклассник сказал, что он еще на службе с дочкой какого-то местного офицера кувыркался. Отец её на поводу пошел — вместо того, чтобы превратить жизнь его в ад он пристроил его на теплое местечко и в семью принял. Обычно солдата бросает девушка, но чтоб солдат, да жену с ребенком... — Меня бы такая женщина ждала, я бы и четыре года отслужил! — моему негодованию не было предела и я не унимался. — Сволочь он...

— А так ему его родители и сказали. — Алёна по-ребячьи улыбнулась, словно только что оказалась вновь двадцатилетней. — Отец его, свекор мой, сыну в морду лица дал тогда. Отвадил его от дома и пришли они у меня прощения просить со свекровью, что «подонка воспитали».

В тот вечер мы не пили, но были словно пьяные от этого разговора.

— Я закончила институт с красным дипломом и хоть все бремя воспитания Лизы несли деда, но я уже тогда жила ради неё. Устроилась в строительную фирму проектировщиком и, не смотря на сменившиеся «лихие девяностые» еще более дикие нулевые, упорно шла вперед и вверх. Карьера, деньги, должность... Только счастья женского не испытала.

Было у меня несколько мужчин, Володя, но они сбегали все, узнав о Лизе или поняв, что за мой счет они жить не будут. Даже муженек объявлялся, но получил от ворот поворот.

Так и живем. Лизавете уж двадцать — невеста на выданье. Мне скоро сорок... Плавно из девушки с заплаканными глазами и лялькой на руках превратилась в статную женщину, — ты уж прости мне мою гордыню, — ну а скоро и бабушкой стану. Кота заведу, да дачу. Внулата пойдут...

— Ну прямо уж бабушкой?! — я неуклюже пытаюсь подбодрить её. — Для бабушки ты еще уж слишком ничего. Женщина в полном расцвете сил — лет тридцати трех. Да и дочь — красавица писаная.

— Лысдец из тебя не важный, но все равно спасибо. — лицо Алены все же озаряет довольная улыбка.

— Положа руку на сердце, говорю тебе, что принял за ровесницу! — я говорил в тот момент чистую правду.

— Ровесница... По сравнению со мной ты еще мальчишка. — Алёна качает головой. — Вот и сама причина, почему ты не должен был приходить сегодня вечером. У нас лет десять разница, а это не совсем правильно по отношению к тебе. Да и я сама была бы не в восторге от

сложившейся ситуации.

— Но...

— Не нужно лишних слов, Володя! — голубоглазая перевела свой взгляд на настенные часы.

— Засиделись мы с тобой.

В прихожей было неестественно тихо. Я в третий раз пытался попасть ногой в правую туфлю левой ногой под смешливые взгляды Алёны.

Что-то было в этой молодой женщине, что зацепило меня, заставило иначе взглянуть на жизнь её подруг по несчастью.

Следующие несколько минут стали поворотными в моей истории... Опрометчиво были совершены две ошибки.

— До свидания, Володя. Надеюсь, все у тебя будет хорошо. — Алёна поднялась на носочки и поцеловала меня в уголок губ.

Это была её ошибка.

Этот полный нежности поцелуй всколыхнул во мне целую бурю чувств и, не смотря на внутренний голосок «Окстись, охальник!», следом за молодой женщиной я совершил свою ошибку, за которую я себя буду корить до скончания времени.

Я притянул длинноволосую богиню к себе и впился в чувственные губы, вызвав возглас негодования — праведного по определению.

— Что ты себе позволяешь, мальчишка? — в бирюзовых глазах мне почудилось море, зашедшее в зимнем неистовом шторме. — Ты что, усмотрел в моих поступках и мыслях благосклонность к тебе?! Пусти...

Слышал ли я Алёну? Сквозь звон и стук сердца в ушах, но слышал её пока еще уверенные попытки охладить тот жар, разгоравшийся у меня в груди.

Я целовал её неистово и в то же время ласково, как самое нежное существо на свете.

Искры из глаз! Второй раз, третий! — это Алёна от всей своей широкой души залепила мне три пощечины. Лицо горело, будто я окунулся в ледяную воду, но жгучее пламя в моей груди было сильнее и я продолжал целовать молодую женщину в губы, покрасневшие щеки и шею.

— Ну пусти, пожалуйста! — чуть ли не плача проговорила Алёна и в каком то странном жесте ударила меня руками в грудь, пытаясь оттолкнуть.

Удар её невесомых кулачков все же нашел идеальную цель и я вскрикнул, так как следы вчерашнего членовредительства дали знать о себе острой болью.

— Ой, прости! Прости, прости меня... — замершая Алёна прижала свои ладони к моей груди.

— Я просто...

— ... сделала все правильно... — сбившееся от возбуждения и боли дыхание подвело меня и я затих, крепко прижав женщину к себе.

— Мы все равно не можем быть вместе, глупый мой мальчик... — Алёна уткнулась мне в грудь и затихла.

Как долго мы стояли в прихожей я не знаю до сих пор. Я помню лишь тепло и дрожь хрупкой женщины у себя в руках, пьянящий аромат её волос и прикосновения рук.

Я не выпускал её из своих объятий, не смотря на несколько робких попыток оттолкнуть меня. Сдерживая возбуждение и дикое желание я не мог разорвать контакта с ней, но и не мог пойти дальше.

Вдруг Алёна посмотрела на меня и в её глазах я увидел, что она колеблется. Не злиться, не

презирает меня, а именно сомневается.

— Мы будем жалеть о том, что может случиться... — спокойный ровный голос голубоглазой прозвучал особенно четко в тишине квартиры. — Не я, не ты, а мы.

— Будем. — это слово будто бы само вырвалось у меня и отпечталось где-то внутри. Алёна довольно смешно зажмурилась и одарила меня поцелуем, как совсем недавно, когда я пытался совладать со своими непослушными ногами. Только в этот раз поцелуй был несколько иным — не неуклюжий тычок, а прикосновения губ чувственной, ранимой, доверившейся мужчине женщины.

Мы все сильнее и сильнее прижимались друг к другу, но если руки Алены лежали у меня на груди, то мои руки блуждали по её телу. Довольно приятная на ощупь попа, округлые бедра, точеная талия — все это я не мог обойти стороной.

Долго это стояние у порога продолжаться не могло и, подхватив на руки Алёну, я направился в сторону ближайшего дверного проема.

— Это комната Лизы. — отстранившись от моих губ выдохнула женщина. — Нам вон в ту дверь...

Внеся Алёну в спальню я на автомате оценил ситуацию — я был одним из немногих, а может и единственным, кто оказался в будуаре молодой женщины. Невероятно светлая даже в отраженном свете заходящего солнца комната была обставлена со вкусом: одинокая просторная кровать у стены и туалетный столик с зеркалом подле нее были оформлены также, как платяной шкаф, секретер и рабочий стол — в стиле Викторианской эпохи.

Алёна мягко высвободилась из моих рук и мягко ступила на пол. Отпускать её не хотелось, но я понимал, что она делает все, чтобы ей было комфортно наше своеобразное общение. Женщина задернула плотные шторы и в интимном полумраке медленно подошла ко мне. Затем взяла меня за руку и потянула за собой в сторону кровати, возле которой мы остановились. Я увидел у кровати выключатель и, не смотря на протесты Алены, включил свет.

— Не надо света!

— Я хочу видеть тебя. — я провел тыльной стороной ладони по щеке Алены и опустил ко второй пуговице её блузки.

— Ничего не говори... — выдохнула Алёна и, поцеловав меня, стала раздеваться.

Я помогал ей в этом настолько, насколько она сама позволяла мне: упала на пол белоснежная блуза, и перед моим взором оказалась грудь размера два с половиной, удерживаемая в плену кружевного бюстгалтера. Получив по рукам, (и поделом, так как позволил себе слишком быстро переместить руки с талии к груди), я опустил ниже и, прижав Алёну к себе, стал искать молнию юбки. Не без помощи её таких же нетерпеливых и ватных рук юбка оказалась там же, где и блуза — на полу.

Я не переставал удивляться её фигуре — подтянутая, стройная, без намека на излишки калорий, «отложенных про запас». Стройные ножки в черных в сеточку чулках ярко контрастировали с белоснежным кружевным бельем. Но женщинам виднее, что и как носить. Чуть отвернувшись в сторону, Алёна принялась за застежку верхней детали своего белья, удобно расположенную спереди. Как только два холмика её груди оказались на свободе она отвернулась. Я чувствовал, что она стесняется меня как стесняется не целованная еще девушка, но стесняться было нечего.

— Ты кормила Лизу грудью? — этот бестактный и в то же время уместный вопрос вогнал

Алёну в густую краску.

— Да... — чуть ли не плача от унижения выдохнула Алёна.

— Тогда ты дашь фору большинству моих ровесниц! — только и мог сказать я, ибо ни добавить, ни убавить слова к сказанному было нечего.

Лишь слегка опустившаяся грудь со светлыми ореолами сосков притягивала мой восхищенный взгляд. Да любая женщина просто желать не может, чтобы к сорока годам ТАК выглядеть.

Еще пылающая от стыда и комплимента Алёна пристально посмотрела в мои глаза и, прошептав «спасибо», медленно распустила свою густую косу. Русые волосы упали на спину, плечи и грудь этой шикарной женщины и в порыве непередаваемой нежности мы слились в объятиях и поцелуе. Руки мои блуждали по её спине и попе, пирамиды её груди даже сквозь мою легкую рубашку вызывали щемящее подергивания в глубине живота, а дыхание мое было таким же прерывистым, что и у Алёны.

Вдоволь насладившись и привыкнув друг к другу мы продолжили сладостную игру, в которой поцелуи мои опускались все ниже: от чувственных сладких губ к подбородку и нежной шее, к дрожащим плечам. Еще и еще ниже, убирая в сторону её длинные локоны.

Я набрался смелости и легко прикоснулся губами к ореолу её правой груди, чуть выше соска. Полный стыдливого желания стон сорвался одновременно с наших губ. Сделав круг около него, целуя и жая языком, я ласково накрыл уже достаточно твердый сосок губами, а затем проследовал к левому холмику её бюста.

Алёна прерывисто дышала, прижимая мою голову к своей груди. Не отставал и я, поэтому чтобы хоть как то дать нам возможность перевести дух, я зарылся во впадину между грудями лицом и затих, ощущая громкий стук распаленного сердца Алёны.

Уняв дрожь в теле я устремился еще ниже, покрывая поцелуями вздрагивающий живот женщины, опускаясь руками по спине и талии Алёны. Только теперь её руки, блуждающие по моей голове, не притягивали, а отталкивали меня. Сопrotивляясь её неожиданному отпору я опустился на колени и прижался лицом к покрытому гусиной кожей животу, уткнувшись губами в пупок. Это привело к сладостному стону молодой женщины и спазмам, прокатившемуся по подтянутому животу.

Я не особо долго думал, за какую оставшуюся из вещей её гардероба приняться в первую очередь. Приспуская кружевные трусики-шорты я сначала увидел темнеющее мокрое пятно в промежности, а потом ощутил ни с чем несравнимый запах женщины. По мере того, как под тщетные слабые протесты Алёны этот атрибут белья скользил вниз по бедрам мне открывался до безумия возбуждающий вид: аккуратная коротко подстриженная полоса светлых курчавых волос на лобке и большие половые губы, также покрытые растительностью. Мне было все равно, что подумает про меня Алёна, поэтому первое мое прикосновение к холму Венеры было для неё неожиданностью — притянув её за попку, я поцеловал её туда...

Запах женщины, самки, близость её полового органа сводили с ума. Голубоглазая пыталась разорвать столь жгучую для нас связь — вертела попой, отталкивала мою голову непослушными руками, выгибалась дугой, но все безуспешно. Я давал ей возможность лишь пятиться, причем пятилась она в сторону кровати. Осознав, что битва проиграна, Алёна закрыла пылающее лицо руками и прошептала:

— Ой, как стыдно...

Оторвавшись от места соединения двух стройных ножек, я поднялся с колен, подхватил

Алёну на руки и бережно перенес её на белоснежную постель. За каких-то несколько секунд я освободился от не нужных в тот момент кусков ткани и полностью обнаженным навис над молодой женщиной. Её взор остановился где-то на области моего паха и вид приоткрывшихся в беззвучном возгласе губ заставил залиться краской меня — мне, также как и Алёне, было стыдно быть объектом пристального изучения.

Решив поскорее перейти к следующему этапу нашего общения, я лег рядом с сжавшейся в комочек Аленой. Я не особенно хорошо соображал, но все же не мог упустить одну мелочь.

— У тебя есть какой-нибудь увлажняющий крем?

— В верхнем ящичке, слева. — Алёна приподняла бровь в немом вопросе. — Зачем он сейчас?

— Надо. — голосом Василия Алибабаевича из «Джентельменов удачи» продекларировал я и перевернувшись на бок стал шарить в ящичке туалетного стола.

Перебрав несколько тюбиков, среди которых оказался и «Детский крем», и косметический вазелин я остановил свой выбор на креме для лица, выдавил изрядное количество его на ладонь и накрыл ею холмик Венеры, вызвав короткий вскрик Алены.

— Сосредоточься на себе. — я посмотрел ей в глаза и чмокнул Алёну в озорной вздернутый носик. — Пристегнись и не высовывай руки.

Под моим напором Алёна раздвинула ножки и моя рука полностью накрыла её орган. Перед самым нашим соединением я хотел как можно сильнее разогреть её, поэтому в начале начал массировать и легко мять большие половые губы, не забывая целовать Алёну в уста, щеки, носик, шею и зовущую грудь. Вскоре она стала сама тереться промежностью о мою ладонь, которой я продолжал перебирать нежные складки, покрытые уже в большей степени не кремом, а пьяняще пахнущими выделениями.

Оторвавшись от чувственных губ я переместился Алёне между ног. Передо мной оказалось самое оберегаемое женщинами от мужчин сокровище: аккуратный галстук волос на холме Венеры переходил на хорошо развитые большие половые губы, между которыми виднелись малые губки и вход во влагалище. Горошинка клитора была слегка видна между губами и также скрывалась в нежном пушке волос.

Не в силах больше сдерживать себя я наклонился и стал нежно, но уверенно массировать пальцами и покрывать лепестки этого цветка поцелуями, иногда резко жая языком вожделенный вход во влагалище. Женские стоны наполнили комнату и в момент, когда распаленная Алёна почувствовала мое первое, едва ощутимое прикосновение к похотнику, голос её сорвался на крик...

Уделив внимание этой самой чувствительной точке её тела, я навис над Оксаной и прижался своим вздыбленным членом к её естеству. Я откровенно дразнил женщину, обильно смачивающую меня своими соками — целовал в губы, заглушая стоны, натирал своим органом покрасневшие половые губы.

Алёна отвела взгляд и отвернулась, когда я на ощупь приставил член ко входу во влагалище. — Посмотри на меня! — нежно, но властно попросил я. — Алёна!

Прикрыв на мгновение глаза, женщина взглянула на меня и в этот самый момент я медленно, но в одно движение тазом вошел в неё. Горячий и скользкий туннель удивительно плотно сдавил мой орган и от неожиданности и сладострастия наши стоны слились воедино.

С минуту мы неподвижно лежали и привыкали друг к другу, а я понижал градус накала. Я шептал Алёне нежные, полные благодарности слова, смотрел в светлые очи цвета васильков и впервые увидел еле заметные линии морщинок в уголках глаз. Что-то перевернулось тогда во

мне! Тогда я понял по-настоящему, что, к сожалению, женская красота не долговечна, что Алёна — именно та женщина, с которой судьба сводит не каждого мужчину... Я решил сделать все, чтобы эту ночь мы не забыли никогда.

Упругие капли грудей с острыми вершинками сосков упирались в мою грудь. Я ощущал трепет женского сердечка и в какой-то из моментов мне показалось, что его ритм совпал с ритмом моего.

Ласковые пожатия интимных мышц Алёны привели меня в чувство, выведя из этого несвоевременного или все же своевременного осознания истины. Я начал медленно двигаться в ней, но даже этого было достаточно, чтобы распаленная прелюдией женщина стала подмахивать мне.

Алёна отдавалась неумело, но искренне, до самой последней капли. Переплетенье рук и ног, поцелуи и стоны, улыбки и смех — все это смешалось, как и время, которому мы потеряли счет. Мы уже несколько раз были на грани, но каждый раз Алёна свистящим шепотом успокаивала нас и мы продолжали эту обоюдно сладкую пытку. В одной книге я как-то прочел, что если во время близости женщина будет одета хотя бы в носочки, то ей будет очень сладко. Говорят, что все дело в своеобразном чувстве безопасности. Как часто я потом вспоминал, как удачно я оставил на стройных ножках Алёны чулки!

На мои проникновения голубоглазая красавица отвечала круговыми и поступательными движениями своей попы. В один из удобных для этого моментов я положил левую руку на внешнюю поверхность бедра Алены и вспомнил про изысканный атрибут гардероба женщины — чулки. Мне захотелось снять их с ножек Алены, причем непременно в тот момент, когда у нормального человека такой мысли не возникнет.

Градус возбуждения плавно пополз вверх, когда я стал стягивать с её правой ноги причудливо сплетенную сетку чулка. Помогающая мне в этом Алёна приподняла ножку и к звукам прерывистого дыхания, сминаемой постели и стонов добавился вогнавший её в густую краску звук соединения наших органов.

— Прекрати... — Алёна отвела взгляд, впрочем довольно активно подмахивая мне.

— Что прекратить? — в этот момент я покрывал поцелуями оголяющуюся ножку женщины под возбуждающий аккомпанемент.

Молчание...

Поцеловав нежную кожу миниатюрной стопы я расправился со вторым чулком и под протестующие возгласы Алены забросил её ноги себе на плечи, до упора войдя в женщину.

Короткий вскрик наслаждения и легкой боли вырвался из уст голубоглазой, когда я сначала уперся, а затем слегка вошел в щель, образованную передней и задней губами шейки матки. Не прекращая нежных движений внутри Алены я в первый раз после прелюдии посмотрел в место нашего соединения. Налитые кровью половые губы плотно обхватывали мой орган — то у самого основания, то у головки. Наши органы, бедра и животы были щедро покрыты выделениями голубоглазой, а на постели под нами явственно выделялось влажное пятно.

Нарастивая темп соития я убрал мокрую от пота прядь русых волос, закрывающую вишенку соска, и накрыл его губами. Прижавшая мою голову Алёна вскрикнула и выгнула мостиком спину, а потом...

Первые волны оргазма накрыли молодую женщину. Дыхание сбилось напрочь и Алёна сбилась с темпа, безвольно предоставив мне возможность выбирать частоту и глубину движений. Затем спазм и дрожь, пробежавшие по телу Алены передались мне и, плотно

прижавшись к ней, войдя до самого упора, под смешные вскрики улетающей в мир наслаждения женщины, я стал изливаться в самые глубины её тела.

Первая струя семени, оросившая матку Алены, принесла её ко второй волне. А я все изливался и изливался, покрывая лицо женщины поцелуями.

Алёна затихла через несколько минут. Я покинул её, оставив на лобке и вздрагивающем животе клейкие капли и дорожки семенной жидкости, и лег рядом: поглаживал расслабленные ноги, убирал прилипшие к телу длинные локоны и шептал нежные слова.

Вдруг её небесного цвета глаза наполнились слезами. Они так и хлынули, заливая лицо Алены и подушку, на которой лежала её прелестная головка.

— Ну что же ты, родная моя? — как можно более ласково я задал ей этот вопрос. — Все же хорошо. — я ощутил на губах соленый вкус её слезинок. — Плачь, не держи в себе...

— Ну почему? — сквозь тихие всхлипы запричитала Алёна. — Почему? Зачем мы это сделали? За что такое в жизни свалилось на меня это счастье...

К моим губам и рукам присоединились ручки молодой женщины и мы стали вместе смахивать горячие слезы, заливающие её лицо.

— ... да на старости лет. — конец её эмоциональной тирады прозвучал уж больно наивно, но искренне. — Да я в жизни никогда и не знала, какого это быть любимой! Все работа, любимая дочка, дом... Для кого? Для чего?

— Для себя, для Лизы, для Вас обеих...

— Ты так думаешь? — все еще причитающая Алёна посмотрела мне прямо в глаза. — Ни капли любви, ни уважения я не видела в глазах своих немногочисленных ухажеров. Я уже совсем забыла, что значит быть с мужчиной одним целым, а счастья женского и не знала... Ну зачем ты свалился на меня, как гром среди ясного неба?!

И сквозь отчетливо звучащие упреки, благодарности, и нежные слова до меня вдруг дошла одна истина. Я понял, что более несчастной женщины в своей жизни я не видел. Сколько нерастраченной женской любви переполняло сердце и душу этой удивительно сильной и в то же время слабой женщины!

Как нам было хорошо вместе! Мы лежали и просто смотрели друг другу в глаза. Постепенно Алёна успокоилась и, положив свою ручку мне на грудь, стала перебирать пальцами.

— Где ж ты раньше был, казак? — легкий укор прозвучал в её голосе. — Я так долго тебя ждала...

— Не знаю. — я тонул в её глазах, забывая все на свете. — Почему казак?

— Да сердце бабье не обманешь. Сегодня я своего по духу человека встретила. Или не так? — с хитрецей ответила Алёна.

— Так, родная моя. — горячая кровь Уральских казаков через многие поколения дает о себе знать.

Алёна перекатилась через меня, прижавшись соблазнительной грудью, и вскрикнула, когда я сжал её подтянутые ягодицы. Мы встали с потели и я увидел, как по внутренней стороне её бедер стекает мое семя вперемешку с её соком. Потоки перламутровой жидкости сочились из приоткрытой половой щели Алёны.

— Сколько же ты в меня влил?! — со смехом сказала женщина. — Мы же все здесь испачкаем.

— Алёна, я...

— Все хорошо, Володенька! — женщина искренне пыталась успокоить меня в ответ на мой досадный стон. — Сегодня можно. — и уже тихо-тихо:

— Мне сегодня можно все...

Она повлекла меня за собой прочь из комнаты и я последовал за ней, плотно прижавшись низом живота к попке и накрыв грудь и холм Венеры ладонями. Под звучание нашего тихого смеха к подсохшим дорожкам семени на лобке и животе добавились новые следы нашего греха.

Вдруг Алёна остановилась перед прикрытой дверью и прошептала:

— Мы не закрывали дверь за собой!

Мы действительно не закрывали дверь. Каким-то образом она оказалась прикрыта, но не полностью — оставалась малая щель между дверью и косяком.

Выскользнув в коридор, Алёна обмякла у меня в руках и простонала:

— Какой позор! Ну как же так?!

Из под закрытой двери комнаты Лизаветы лился приглушенный свет...

Мы стояли под теплыми струями воды и целовались. Густые русые волосы скрывали грудь Алёны, превращая её в мифическую русалку с полотен лучших Мастеров, что писали на этой земле.

В очередной раз под звук журчащей воды она подняла болезную тему этого позднего вечера:

— И как же нас угораздило так попасться? Что она будет обо мне теперь думать?

Я молчал, ибо не имел абсолютно никакого права влезать в отношения двух женщин — матери и дочери.

— Пусть и взрослая, но я же для неё как ориентир, сама порядочность. Я же мужиков ни разу домой не приводила, а тут с совсем незнакомым парнем... — и далее с укором в мою сторону:

— Ну что ты молчишь?

— А что я могу сказать? Лиза действительно взрослая, понимает, как тебе приходится. — я понял, что сморозил лишнего. — Извини меня, если ненароком обидел.

— Проехали...

— Она похожа на тебя характером?

— Да. — Алёна кладет свою головку мне на плечо. — Это и пугает. Она моя точная копия. Как бы ей также сложно не пришлось.

— Все будет хорошо. — с силой прижав её к себе я целую её в ухо. — Если она такая же чувственная как ты, то будет прекрасной матерью, женой и любовницей.

— А вот последнее не желательно.

— Не так выразился. — я действительно имел ввиду другое. — Женой и любовницей своему избраннику...

— Да будет так.

Мы потоптались в ванне несколько минут, а затем Алёна взяла с полки нежную губку и гель для душа с нежным ароматом.

— Отвернись, я стесняюсь. — стыдливо сказала молодая женщина.

Я перехватил её руку, взял губку в руку и принялся аккуратно массировать нежную кожу, спускаясь от шеи к груди, поднимаясь выше, уделяя внимание рукам Алёны. Затем переместил свои руки на спину женщины и круговыми движениями спустился по ней к ягодицам и шикарным бедрам. Я задержался у приятной расщелины между полукружиями попы, раздвинул их и как можно нежнее омыл сжавшуюся звездочку входа во второе из манящих мест женского тела. Развернув слегка пританцовывающую Алёну, я прижался своим органом к зовущей попе и покрыл густой пеной грудь и живот женщины. Голубоглазая

вздрыгнула и раздвинула ножки, когда я стал смывать следы нашего греха с низа живота, лобка и лепестков её бутона, повторяя движения — от холма Венеры к промежности, как это делают женщины.

Вскоре Алёна стала попискивать и давить своими пяточками мне на ноги, постепенно обмякая в моих руках. Поэтому я бережно опустил её в просторную ванну и она соблазнительно легла — раскрасневшаяся, мокрая, стыдливо прикрывшая глаза, выставив на обозрение свои прелести.

Отбросив в сторону выполнившую свою функцию губку, я в порыве животной страсти припал к её налившемуся кровью органу губами. Если губами я был у Алёны между ног, то взор мой был устремлен в её глаза, в которых наряду со стыдом я увидел не меньшую похоть, чем похоть, что накрыла меня с головой.

Шум падающей воды заглушал сладкие стоны Алёны, которая, откровенно говоря, балдела подо мной. Она направляла меня руками и подмахивала попкой, выгибала спину и царапала мой затылок острыми ноготками. она, а мы.

И ушел, куда меня понесли ноги.

Алёна не смогла бы вынести такого — медленно, но с достоинством увядать рядом с молодым мужчиной.

В тот раз её разум победил сердце, но мои сердце и разум были полны желания связать жизнь с этой хрупкой женщиной.

Шло время. Безумно мечтая о семье, я тем не менее хранил верность той случайно вошедшей в мою жизнь женщине.

В жизни моей появилась странная привычка — раз в неделю, в любой из дней я наведывался во двор Алёны и подолгу всматривался в лица женщин, входящих в подъезд, а потом до темноты выискивал знакомый силуэт в светлых квадратах окон.

Но в квартире Алёны все так же жила пожилая пара — её родители — которые подолгу отлучались, оставляя квартиру под присмотром знакомых.

Месяц уходил за месяцем, но я не чувствовал радости к жизни...

Я поднимался по карьерной лестнице, рос как специалист, обзавелся квартирой, машиной, построил дом. Через год после болезненного расставания с Алёной мне повстречалась молодая девушка. Елена — моя будущая жена. Она вошла в мою жизнь стремительно и окончательно — скрасила одиночество, заставила заглушить чувства к Алёне. Став верной супругой и любящей матерью, хранительницей семейного очага, не забыла Елена про свои амбиции и построила карьеру.

Я не буду рассказывать подробности нашей встречи — это тема для отдельного разговора. Да и не хочу больше писать что-либо в похожем ключе. Пожалуй да — так оно и будет, но о чем это я...

Год назад судьба подкинула мне испытание, пройти которое мне стоило больших трудов. Точнее нам...

Несколько раз в году дружный коллектив, в котором моя жена как пчелка трудилась, вырывался на природу. Уютная база отдыха на берегу чистейшего лесного озера принимала сотрудников и их семьи — жен, мужей и многочисленную разновозрастную ораву визжащих ребятишек. Я к сему действу приучен не был, так как то срочная командировка, то дела на работе, то личные планы упорно оставляли меня в душном городе.

Елена не пилила меня, но в тот раз не выдержала.

— И сколько, Владимир Александрович, сие безобразие будет продолжаться? — в притворном гневе вскричала супруга. — Меня уже на работе за парней из других отделов сватают. И это при живом муже!

— Да поедем, поедем. Гадом буду, если отверчусь!

— Смотри мне...

Мы въехали на территорию базы чуть припозднившись, когда на зеленой площадке перед огромным бревенчатым домом уже всюю накрывали на стол.

— И так каждый год. — глядя на наших охломонов, тут же смешавшихся с остальной стайкой детей, возвела взгляд к небу моя супруга.

Приветствуя наших знакомых, — коллег Лены, — мы разгружали машину. Наконец я оставил большую часть снеди и вещей суетящимся женщинам и поспешил к колдующим у мангала мужикам.

— Здорово, Вова! — ребята явно были рады меня видеть. — Как домчался?

— Да чтобы я, начальник отдела, да в такую даль еще раз со своими паразитами поехал?! Пусть вон мать мучают.

— Не замучают. — под общий смех из-за моей спины я услышал голос Лены. — Пойдем, подсобишь женсовету.

— Подкаблучник! — понимающие возгласы мужиков доносились до меня, пока я шел за супругой и тут...

И тут я увидел её — Алёну.

Она совсем не изменилась, только стали чуть заметнее мелкие морщинки в уголках ярких бирюзовых глаз. Она сидела в пол оборота и не видела меня, а я шел за Леной в её сторону, обливаясь ледяным потом.

Я понимал, что просто не мог идти туда! Там сидела моя нечаянная любовница, столь жестоко в прошлом поступившая со мной, а со мной рука об руку шла моя горячо любимая жена.

— Володя, — Лена дернула меня за край рубашки, — ты не заболел?

— Нет, Лена. Все в полном порядке. — успел ответить я и тут Алёна встретилась со мной глазами.

Я не могу и не хочу описывать сцену нашей встречи и подробности тяжелого, полного взаимных упреков уединенного разговора.

Я стоял на длинной, вдающейся далеко в озеро косе. Позади — отдаленный шум дружной компании, впереди — низко висящее солнце, окрашивающее все вокруг в золотистый с красным оттенком цвет.

Неслышно ко мне подошла Лена и вложила свою ладонь в мою. Затянувшееся молчание нарушил первым я.

— Ты знаешь?

— Да. — спокойный голос моей супруги привел меня в чувство быстрее, чем ушат ледяной воды.

— Лена, я... — слова полились из меня нескончаемым потоком.

— Знаю, я все знаю. Алёна все мне рассказала, ничего не утаила.

Я смотрел в глаза любимой женщины и пытался донести главную мысль:

— Я безумно тебя люблю! Все это случилось до нашей с тобой встречи и я ни разу с тех пор не видел Алёну. Я не хочу терять тебя...

— А кто тебе сказал, что я стану относиться к тебе иначе? — бровь Лены взлетела вверх. — Что изменилось в нашей с тобой жизни?

— Но...

— Не начинай, Вова! Твои высокие моральные принципы просто не дают тебе шанса на интригу на стороне, тем более с замужней женщиной. — супруга резала по живому. — Тебе нужно основательно поговорить с Алёной. Теперь ты стал отцом четырежды...

— Если я когда-нибудь тебя обижу и буду не справедлив к тебе — напомни мне сегодняшний вечер, а потом закидай камнями.

— Я тебя щебнем завалю...

Я иду с двумя букетами цветов к светлому зданию школы. Один — для сына-первоклассника, второй — для его сестры-двойняшки. От волнения заплетаются ноги, но я упорно иду вперед. Вот и они. Ребятишки подлетают ко мне и выбивают воздух из груди.

Лишь год прошел с момента нашего знакомства, но они довольно легко приняли меня в свою «дикую стаю»: Сашка — весь в меня, а Оксана — вылитая Алёна, как впрочем её старшая сестра Елизавета.

Я проследил, как они занимают места в шеренге нарядных первоклашек и поворачиваюсь к Алёне. Тактично стоящие чуть в стороне округлившаяся Елизавета с супругом и сынишкой, а также высокий взрослый мужчина средних лет (муж Алёны) смотрят на Сашку и Оксану, поэтому я могу спокойно поговорить с Алёной.

— Ну здравствуй, Володя! — мелодичный голос женщины звучит так же, как и семь лет назад.

— Здравствуй, Алёнушка! — меня не волнует, что подумают люди, поэтому я обращаюсь к ней именно так, как в ту первую ночь.

— Седой совсем стал... А какова я?

— Годы обходятся с тобой более, чем благосклонно! — я не кривлю душой. — Поздравляю с началом эпопеи. Скоро будешь слышать крики «Одиннадцать лет! За что?!».

— Ну а как без этого? — спокойно говорит Алёна. — Тебя тоже можно поздравить — вон какой казак и невеста растут...

— Ты как?

— Как всякая любая молодая мама и бабушка. — Алёне идет её нынешний статус. — Лиза второго ждет, Алексей дом нам строит... — женщина краснеет и отводит глаза. — ... ждем прибавления...

— Обалдеть! — моему удивлению нет предела. — Когда успели?

— В любви, да согласии. — Алёна смотрит мне в глаза и произносит самую волнующую меня фразу:

— Все мои дети рождены по большой любви, Володенька.

— Ты счастлива?

— Как слон. — Алёна искренне смеется.

Мы долго молчим.

— Жалеешь, о чем-нибудь? — я задаю свой давно назревший вопрос. — Жалеешь, что все так произошло?

— Если только о том, что ушла из твоей жизни на долгие шесть лет.

— Мне тоже жаль.

— Поцелуй за меня Лену. — Алёна привстает на носочки и целует меня так же, как целовала в

первый раз...

Я иду по центральному парку в сторону нашей с Леной лавочки. Малятки носятся вокруг сидящей на ней Лены. Моя округлившаяся супруга читает книгу, щурясь в лучах еще яркого сентябрьского солнца.

Я подкрадываюсь к ним, но ребята предательски выдают меня:

— Папка! Папка! — Андрюшка и Наташенька облепляют меня.

Елена пристально смотрит на меня.

— Как прошел день?

— И не спрашивай! — я закатываю глаза. — Радуйся, что этот день у нас еще только через год.

Набирайся сил — впечатления впереди.

— Это от Алёны. — я наклонился к Елене и поцеловал её в щеку, а потом, поцеловав в губы, добавил:

— А это от меня